

П. В. КРЫЛОВ

***РЕЦЕНЗИЯ НА: МУСАЕВ В. И. СОВРЕМЕННЫЕ
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА
СПЕЦИАЛИЗАЦИИ. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В СТРАНАХ
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. СПБ., 2013.***

Несмотря на свою географическую близость к России, история стран Северной Европы остается малоизвестной российскому читателю, в отличие от более удаленных от нас территориально Англии, Германии, Франции или США. Гражданская война между Севером и Югом, перипетии Английской революции или централизаторская деятельность Людовика XI знакомы нам лучше, чем борьба Густава I Вазы за независимость Швеции или реформы ярла Биргера, имя которого всплывает только в контексте «борьбы народов Древней Руси против крестоносной агрессии». Последнее отражает тенденцию: страны Северной Европы появляются в российской историографии, главным образом, в те моменты, когда они вступают во взаимодействие с Россией или государствами, существовавшими на ее территории до появления централизованного Московского Царства (с Новгородской Республикой, Владимиро-Суздальским княжеством и иными политическими образованиями). «Взаимодействия» между соседями нередко принимали форму военных конфликтов, и по этой причине в российских исследованиях стран Северной Европы присутствует заметный акцент на военно-политическую проблематику отношений России со странами региона — будь-то во времена

Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Великого или Иосифа Джугашвили. История собственно Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии остается на периферии внимания отечественных историков, свидетельством чему служит приводимый в рецензируемой книге библиографический список, не отличающийся обилием имен авторов и широтой охватываемых тем. Еще менее повезло церковной истории региона, объяснение чему кроется в подчеркнуто секулярном характере российской историографии советского периода. При этом, ее значение для понимания происходящих в странах Северной Европы процессов не только в области идеологии, но и в социально-экономической, политической и культурной сферах очень велико, будучи обусловлено специфическими чертами скандинавской Реформации, самым серьезным образом повлиявшей на взаимоотношения религии с обществом и государством.

Подготовленное В. И. Мусаевым учебное пособие заполняет обозначенную лауну, предоставляя читателю возможность составить впечатление об основных тенденциях и фактах религиозной истории скандинавских стран и Финляндии от распространения христианства до начала XXI в. Главное достоинство книги заключается, на наш взгляд, в том, что автору в достаточно полной мере удалось раскрыть сущность такого характерного для изучаемого региона явления, как «повседневная религиозность» (с. 179)¹, сохраняющая свое значение на фоне статистических данных, свидетельствующих о снижении посещаемости богослужений и участия в религиозных обрядах. Повседневная религиозность находит свое выражение, как показал автор, не только в распространении индивидуальных молитвенных практик, но и во внимании общества к мнению церковных организаций, в желании прихожан участвовать в обсуждении духовных вопросов и чтении

¹ Здесь и далее в тексте приводятся ссылки на страницы рецензируемого издания.

духовной литературы, а также, что, может быть, является первостепенным по важности, в следовании нормам и ценностям, обусловленным приверженностью к христианству, в бытовой и трудовой этике. Формирование христианской культуры, ставшей неотъемлемой частью культуры народной, автор пособия представил как длительный и сложный процесс, вместивший в себя крещение, становление средневековой католической церкви, скандинавскую Реформацию, протекавшую в разных странах региона со своей спецификой, но имевшую общие черты. Последнее было обусловлено тем, что, будучи проведена сверху, королевской властью, создавшей механизмы регулирования отношений между религией и обществом, Реформация избежала революционных эксцессов, свойственных Германии, Чехии, Швейцарии и другим странам, которые она затронула. Обратной стороной превращения принадлежности к евангелическо-лютеранскому исповеданию в проявление верноподданнической лояльности стало, как явствует из текста пособия, растворение конфессиональной идентичности в идентичности гражданской и выход последней на первый план в ходе секуляризации XX в. Внимательный читатель книги В. И. Мусаева без труда найдет в ней предостережение в адрес тех крупных и многочисленных религиозных организаций, которые утрачивают свое право на некоторую отстраненность от политических и социальных бурь современности, стремясь не отстать от общественной дискуссии по «злободневным» проблемам. Подобная погоня за временным в ущерб вечным ценностям, о чем свидетельствуют проанализированные автором примеры всех государственных церквей региона, приводит к значительному сокращению их численности, за счет ухода значительной части озабоченных духовным поиском прихожан в иные христианские деноминации, отличающиеся более ригористическими воззрениями. Впрочем, не остался вне поля внимания В. И. Мусаева и тот

факт, что весьма высокая степень внутренней свободы в организационной структуре скандинавского лютеранства позволяет консервативно настроенным прихожанам объединяться в группы, члены которых, пользуясь значительной автономией и проповедуя свои представления о смысле христианского учения, не порывают, тем не менее, с официальной церковью, позицию которой в данных вопросах они не разделяют.

Особым достоинством ориентированной на российского читателя книги является информация о православных церквях в странах региона, настолько подробная, насколько это позволяет формат пособия. Прочие религиозные движения также рассмотрены автором, несмотря на их недолгую, в целом, историю в скандинавских странах и незначительное число приверженцев.

Замечания, которые хотелось бы высказать автору, обусловлены не только спецификой жанра рецензии, которая, по определению, не может быть сугубо комплиментарной. Некоторое из них имеют принципиальный характер. В частности, автор несколько раз указывает на то, что в скандинавские страны православие проникало одновременно с католичеством (например, с. 17, 28, 31, 226.) Характерной выглядит следующее утверждение: «Интересно отметить, что церковь в Швеции в ранний период своего существования не была чисто католической. Активные связи шведских викингов с Восточной Европой способствовали проникновению в страну православного влияния. Высказываются предположения, что одной из задач миссии Ансгария было противостоять растущему влиянию Византии на Севере Европы. По преданию, в Сигтуне находилась православная церковь святителя Николая. В г. Висбю на острове Готланд, который поддерживал тесные торговые связи с Новгородом, археологами обнаружены остатки русской церкви. Во многих храмах острова найдены росписи с изображениями святых, написанными по православным канонам»

(с. 17). Комментарий подобного утверждения хотелось бы начать с напоминания очевидного факта — выделение из христианского мира православия и католицизма было оформлено расколом 1054 г., произошедшего после начала распространения христианства в Скандинавских странах. Конкуренция между западной и восточной традициями появилась, безусловно, раньше, однако это была конкуренция в рамках неразделенной Церкви. Ее можно сравнить с конкуренцией между ирландскими и англо-саксонскими миссионерами в Германии в предшествующий период или между польскими и немецкими миссионерами среди литовских язычников уже в рамках римского католицизма. Она могла принимать острые формы, оставаясь при этом внутриконфессиональной. Еще одним проявлением православного влияния автор считает позднее введение обета безбрачия для белого духовенства, осуществленное на соборе в Шеннинге в 1248 г. при активном содействии папского легата Вильгельма из Сабини и ярла Биргера (с. 21) Тем временем распространение celibата в других странах Западной Европы растянулось с X в., когда необходимость обета безбрачия стала требованием клюнийского движения за реформу Церкви «в голове и членах», до XII в., когда католическое духовенство стало формально безбрачным, фактически, повсеместно. Отставание здесь Скандинавии на полстолетия вполне может объясняться не православным влиянием, а географической удаленностью от центров.

Вызывает определенное сожаление, что тема влияния Второй мировой войны на церкви стран региона, не достаточно проработана. С одной стороны, автор подробно останавливается на судьбе христиан в оккупированной Норвегии, обходя молчанием тему немецкой оккупации Дании. Одновременно в тени остается и церковная история Финляндии в военные годы, которая могла бы вызвать особый интерес у русскоязычного читателя.

Не оспаривая выбор автора, рецензент полагает, что в число стран, религиозная ситуация в которых была прорисована В. И. Мусаевым в ее исторической динамике, могла бы быть включена Эстония. Это выглядело бы тем более правомерным, что Евангелическо-лютеранская Церковь в стране, входившей в состав СССР, упоминается в связи с российской Церковью Ингрии, историческое ядро которой располагается на территории, входящей сегодня в Ленинградскую область. Учитывая значение шведского периода истории церкви в Эстонии и ее тесную связь не только с Германией, но и со скандинавскими странами, эстонская глава выглядела бы в пособии на своем законном месте.

Отдавая должное автору, посвятившего отдельную главу Церкви Ингрии, (с. 193 – 199), приходится указать на то, что данные о ней относятся в лучшем случае к 2002 г., в то время как о церквях сопредельных государств приводится более актуальная информация. По случаю отмечаемого в 2011 г. 400-летнего юбилея ЕЛЦИ появилось несколько печатных изданий, которые хотелось бы видеть в списке рекомендованной литературы². Кроме того, учитывая важность церковной истории Невского края в контексте затрагиваемой в книге проблематики, было бы желательно включить в библиографический список фундаментальную работу А. И. Гиппинга о Невском устье и Ниеншанце, переизданную в 2003 г. и доступную для современного читателя³.

Еще одним пожеланием было бы увидеть в главе, посвященной периоду конфессионализации, акцент на том, что шведское королевство XVII в. стало местом притяжения религиозных диссидентов самого разного происхождения. Среди них можно было встретить и русских староверов,

² Путь веры длиною в столетия. Церковь Ингрии: 400 лет истории, 40 лет без храмов, 4 вехи возрождения. СПб, 2012; История финской Евангелическо-лютеранской Церкви Ингерманландии. СПб, 2012.

³ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. М., 2003.

сформировавших особую этническую группу на юго-западном берегу Чудского озера, и чешских братьев, один из лидеров которых, основоположник современной педагогики Ян Амос Коменский, задумывался об иммиграции в Швецию.

С точки зрения использования церковной терминологии книгу В. И. Мусаева необходимо признать достаточно выверенной. Тем не менее, несколько терминологических затруднений в ней все-таки есть. С одной стороны, автор несколько раз употребляет в отношении представителей евангелическо-лютеранских церквей понятия «духовенство» (с. 163), «мирянин» (с. 164), «клир», «сан» (с. 176), которые не соответствуют лютеранским экклезиологическим представлениям о всеобщем священстве и пасторском служении, являющемся должностью, занимаемой лицом, обладающим необходимым образованием и человеческими качествами, признанными сообществом верующих, но не священным саном. С другой стороны, в книге встречается словосочетание «работать пастором» (с. 183), что вполне соответствует отношению к пастору в Швеции, но не соответствует стилю, который использует по поводу духовных работников сам автор.

Закончить отзыв хотелось бы упоминанием забавной опечатки: в качестве дат правления Кнуда Великого указаны даты (1018–1935) (с. 13).

Рецензент искренне благодарит В. И. Мусаева за книгу интересную и полезную для всех не только в России, но и в странах изучаемого региона, а также желает и автору, и читателю долголетия и успехов великого короля Кнуда.